

Текст · 19 октября 2020, 17:11
Александр Бородихин, Анастасия Ясеницкая,

«Медведь муху убивает камнем у кого-то на лбу». Почему Госдума хочет запретить судьям Конституционного суда публично высказывать свое мнение

После того как Госдума в первом чтении приняла поправки в закон о Конституционном суде, в законопроекте появилось много изменений — в частности, предлагается полностью запретить судьям публиковать или обсуждать свои особые мнения. Высказывать позицию, отличающуюся от мнения остальных судей, можно будет только во время заседания, но для широкой публики она останется неизвестной. Авторы законопроекта считают, что Конституционный суд — не место для «идеологических дискуссий». «Медиазона» обсудила эту неожиданную цензуру с экспертами — юристами и судьей КС в отставке.

Что случилось

13 октября Государственная дума рассмотрела в первом чтении президентский законопроект об изменении закона «О Конституционном суде» — его внесли сразу после принятия поправок к Конституции. Депутаты раскритиковали проект за предложение сократить число судей с 19 до 11 и расширить их полномочия по проверке региональных законов на конституционность, но в итоге приняли его в первом чтении 348 голосами против трех.

Уже через три дня комитет Госдумы по государственному строительству и законодательству во главе с Павлом Крашенинниковым утвердил пакет из двух десятков поправок ко второму чтению — все они были предложены самим Крашенинниковым и сенатором Андреем Клишасом.

Вопрос об особых мнениях, которые высказывают несогласные с решением коллег судьи КС, в ходе обсуждения в Госдуме не поднимался, но это не помешало Клишасу и Крашенинникову внести в законопроект поправку, запрещающую судьям публиковать свои особые мнения или ссылаться на них во время публичных выступлений.

Судья Конституционного Суда Российской Федерации не вправе в печатных изданиях, средствах массовой информации, самостоятельно распространяемых текстах, на сайтах (страницах сайтов) в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет», в выступлениях перед любой аудиторией, в переписке с органами публичной власти, организациями и гражданами, которые исходя из обстоятельств ее ведения

могут ее обнародовать, высказывать свое мнение о вопросе, который может стать предметом рассмотрения в Конституционном Суде Российской Федерации либо изучается или принят к рассмотрению Конституционным Судом Российской Федерации, до принятия решения по этому вопросу, а также критиковать в какой бы то ни было форме решения Конституционного Суда Российской Федерации.

Судьи и другие лица, присутствовавшие на заседании, на котором решался вопрос о принятии обращения к рассмотрению, не вправе разглашать содержание дискуссии и результаты голосования, в том числе обнародовать свое несогласие с принятым решением в какой бы то ни было форме.

Предлагаемый к принятию во втором чтении текст закона о Конституционном суде

«С учетом того, что КС является высшим судебным органом, публичная критика судьями КС его решений по сути направлена на подрыв авторитета судебной власти, института конституционного судебного контроля как одного из средств защиты конституционных прав граждан, — прокомментировал необходимость нового запрета сенатор Клишас. — Позиция судей, излагаемая ими в особых мнениях, способна создавать неверные представления относительно позиции властей по тем или иным вопросам общественной и политической жизни».

Не смог Клишас удержаться и от отсылки к европейскому опыту, ставшей традиционной для новых запретов: в Австрии и Франции, отметил

сенатор, также запрещается публикация особых мнений судей.

Его соавтор Крашенинников вообще посчитал неуместными «идеологические» дискуссии в Конституционном суде.

Что такое особое мнение

В 1991 году законом «О конституционном суде» был создан Конституционный суд РСФСР. Тогда же было закреплено право на публичное высказывание «особого мнения», которое мог письменно изложить судья КС, не согласный с решением коллег.

Первоначально особое мнение могло быть напечатано в любом издании, причем необязательно вместе с решением суда и даже раньше его.

«По старому закону 1991 года те из судей, кто остался при особом мнении, сами искали, где их опубликовать — приходилось, например, просить газету "Известия". Потом внесли в новый закон 1994 года широкую формулировку об обязательном опубликовании особых мнений везде вместе с публикацией текста решений, в том числе в таком официальном источнике как "Российская газета" и в "Вестнике КС"», — рассказывает судья Тамара Морщакова, бывшая судьей Конституционного суда в 1991-2002 годах.

Через десять лет в ходе очередной судебной реформы особое мнение разрешили публиковать только в «Вестнике Конституционного суда» — и только вместе с самим решением. При этом официальное издание КС выходит шесть раз в год, из-за чего особое

мнение могло увидеть свет лишь через несколько месяцев после провозглашения решения.

С 1991 по 2017 год конституционные судьи воспользовались своим правом на особое мнение 360 раз. Иногда такие высказывания становились причиной общественной дискуссии и шли вразрез с решениями государственной власти. Так, судья Анатолий Кононов^[1] несколько раз публично не согласился с решением Конституционного суда по делу ЮКОСа и его владельца Михаила Ходорковского.

Уже в 2017 году двое судей Владимир Ярославцев и Константин Арановский выступили против решения не выплачивать акционерам ЮКОСа компенсацию в 1,9 млрд евро, присужденную Европейским судом по правам человека.

В 2019 году Арановский выступил с особым мнением по делу об ограничении участия иностранцев в российских СМИ. По мнению судьи, «даже в пользу высокой гражданственности и культуры» нельзя ограничить свободу слова. Еще через год Арановский вновь вызвал своим особым мнением широкую дискуссию, предложив не называть Россию правопреемницей СССР и аргументировав это цитатами из писателя Захара Прилепина. Например, такой: «То, что вы растерзали, что вытащили из гроба и снова нарядили, вот это все — не моя Родина».

Как так вышло

Попытка ввести новый запрет стала неожиданностью для профессионального сообщества.

«На самом деле проект внесенного сейчас президентом закона так сильно не грешил — в нем предлагалось закрепить, что особые мнения размещаются на сайте Конституционного суда: и решения, и особые мнения, вместе, — говорит Тамара Морщакова. — Что сделали господа Клишас с Крашенинниковым, получив поддержку в комитете Госдумы по законодательству, который возглавляется самим Крашенинниковым? Это совершенно не то, что было предложено. Похоже на случай, когда медведь муху убивает камнем у кого-то на лбу».

Морщакова считает, что «рациональных оснований» для подобного запрета нет. «Если прямо говорить, кто-то очень старается услужить. А на самом деле приносит большой вред: вреда от особых мнений не было, а от этого — будет. Это подрывает доверие к суду и государству», — уверена она.

«Особые мнения всегда были информационными поводами, и, конечно, судьи, которые большинством голосов принимали другое решение, не любили, когда появляются особые мнения, — поясняет Морщакова. — Это абсолютно понятно психологически. Но у особого мнения нет предназначения, чтобы оно нравилось большинству судей, принявших решение, наоборот. У них другая цель совершенно: показать, что суд независим, что на него не давят, что все свободно могут высказываться; показать обществу, что мнения разные могут существовать, что они не запрещены. Это же не о том, "убил или не убил", а совсем о другом — правовые позиции бывают разные,

и это нормально, это область толкования права, это наука, и судьи все со степенями учеными».

Главный редактор журнала «Закон», доктор права Эссекского университета Александр Верещагин связывает запрет с «антисоветской вылазкой» судьи Арановского и напоминает, что прежняя норма о публикации особых мнений в «Вестнике КС» не исключала публикацию в других изданий, но «была понята именно как ограничение».

Специалистка по конституционному праву Ольга Кряжкова пишет, что запрет на публикацию особых мнений ударит в равной степени по гражданам, юристам и судьям КС, которые «лишаются одной из немногих оставшихся гарантий своей независимости». «Обнародование мнения теперь будет считаться основанием для КС пожаловаться на судью президенту либо для недовольства президента и для последующей досрочной отставки судьи», — опасается она.

Для юриста международной правозащитной группы «Агора» Кирилла Коротеева смысл особых мнений в последнее время сводится к формуле «Был один, который не стрелял». «По наиболее важным делам последнего времени (Крым, Конституция-2020), по слухам, было давление на судей, чтобы решения были единогласны — и принятие текста за одну ночь, чтобы паче чаяния никто не успел ничего написать», — говорит Коротеев.

Он уверен, что в администрации президента заметили, как «несогласные» Морщакова, Аметистов, Кононов, Ярославцев и Арановский после

публикаций особых мнений «начинали пользоваться повышенным уважением в обществе и в профессии — вероятно, большим, чем Зорькин».

«Вот с этим и борьба: кого-то из КС выкинули, а оставшихся (оставшегося) — острастили», — заключает Коротеев.

Редактор: Егор Сковорода

-
1. В 2009 году покинул должность судьи, раскритиковав в интервью «Собеседнику» коллег и власть.